

PUNISHMENT, ENFORCEMENT, AND FUNCTIONARIES: THE RUSSIAN ROUTE

DOI 10.15826/qr.2022.1.664

УДК 94(47)"8/14" + 340(091) + 343.8 + 27-175.3 + 27-543.8

Казни земные и небесные в Древней Руси: от богословского осмысления к практике*

Константин Костромин

Санкт-Петербургская духовная академия,
Санкт-Петербург, Россия

Heavenly and Earthly Princes in Old Rus': From Theological Reflection to Practice

Konstantin Kostromin

St Petersburg Theological Academy,
St Petersburg, Russia

The system of punishment in medieval Russian law cannot be considered sufficiently studied. Researchers single out types of punishments that are not found in legal documents, but, obviously, were applied in practice. Punishments can be divided, with some degree of conventionality, into judicial and extrajudicial. However, God can also punish, both in this life and at the Last Judgment. This article is devoted to the problem of “rivalry” between the earthly and heavenly courts in the ideas of the people of pre-Mongol Rus'. The article resolves the issue of the applicability of the *non bis in idem* principle within the framework of the problem posed and considers key plots from *The Tale of Bygone Years* and *The Kievan Caves Patericon*. This analysis makes it possible to single out issues that were decided by an earthly court and those disasters that befell society and individuals which contemporaries saw as punishment. Among the legal sources, the author refers to the *Russian Pravda* and the Charters of princes Vladimir, Yaroslav, and Vsevolod. The author also compares different methods of punishment with the way they are reflected in the sources. Since the imposition of fines prescribed by legal documents is not reflected in the narrative sources,

---

* *Citation*: Kostromin, K. (2022). Heavenly and Earthly Princes in Old Rus': From Theological Reflection to Practice. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 151–167. DOI 10.15826/qr.2022.1.664.

Цитирование: Kostromin K. Heavenly and Earthly Princes in Old Rus': From Theological Reflection to Practice // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 151–167. DOI 10.15826/qr.2022.1.664 / Костромин К. Казни земные и небесные в Древней Руси: от богословского осмысления к практике // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 151–167. DOI 10.15826/qr.2022.1.664.

an emphasis is made on extrajudicial punishment (the surviving practices of blood vengeance or *“potok i razgrablenie”*). An attempt is made to determine the line after which the imposition of punishment for this or that injustice (and, more often, for the totality of acts) was beyond the rights and opportunities of the princes. This is when the chronicler saw an intervention of God, which could be qualified as “revenge” or “punishment”. In addition, the author reveals a connection with the punishments of the penitentiary discipline of the sacrament of confession. However, it is impossible to completely abstract the earthly court and the punishment it imposes from the punishment imposed by God in medieval Rus’.

Keywords: medieval Rus’, judgment, punishment, reprisal, revenge, Last Judgment, penance

Систему наказаний в древнерусском праве нельзя считать детально разработанной. Исследователи выделяют виды наказаний, которые не встречаются в памятниках права, однако, очевидно, применялись на практике. Наказания можно с некоторой долей условности разделить на судебные и внесудебные. Однако наказать может и Бог, причем как в этой жизни, так и на Страшном суде. Статья посвящена проблеме «соперничества» земного и небесного суда в представлениях людей домонгольской Руси. В ней решен вопрос о применимости принципа «non bis in idem» в рамках поставленной проблемы, а также рассмотрены ключевые сюжеты из Повести временных лет и Киево-Печерского патерика, анализ которых позволяет выделить вопросы, решавшиеся земным судом, и те, наказание за которые современники видели в бедствиях, постигавших общество и отдельных людей. Среди правовых источников использовались Русская Правда, уставы князей Владимира, Ярослава и Всеволода. Автор сопоставляет различные виды наказаний с тем, как их применение представлено в источниках. Поскольку предписанное правовыми памятниками наложение штрафов не отражено в нарративных источниках, акцент сделан на внесудебных расправах (сводимых к реликтам кровной мести или «поток и разgrabлению»). Сделана попытка определить грань, после которой наложение наказания за ту или иную несправедливость (а чаще – по совокупности деяний) оказывалось вне прав и возможностей князей и после которой летописец видел вмешательство Бога, которое могло быть квалифицировано как «месть» или «казнь». Кроме того, выявлена связь с наказаниями пенитенциарной дисциплины таинства исповеди. Однако полностью абстрагировать земной суд и накладываемое им наказание от наказания от Бога в Древней Руси оказывается невозможным.

Ключевые слова: Древняя Русь, суд, наказание, расправа, месть, Страшный суд, епитимия

Принятие христианства Древней Русью привело к быстрой рецепции христианских идей той частью элиты, которая была связана с хранением, передачей и эксплуатацией культуры во всем многообразии ее форм (художественной, политической, бытовой и проч.). Помимо

прочего, среди воспринятых элементов оказались как христианское мировоззрение совместно с христианской книжностью, так и система византийского права, совмещенная с автохтонными и иными внешними (условно)правовыми традициями. Некоторые элементы того и другого должны были войти во внутреннее противоречие в сознании древнерусских христиан с привычными представлениями о справедливости и способами ее достижения или, по крайней мере, создать определенные мировоззренческие затруднения. Рассмотрим один пример такого затруднения – проблему «соперничества» земного и небесного суда в отношении назначения наказания.

Воспринимая христианские идеи, древнерусские книжники и их читатели, проповедники и их слушатели в качестве одной из основных восприняли идею божественного возмездия, как текущего – Бог наказывает за грехи уже в этой жизни, так и посмертного – на Страшном суде. Эта краеугольная христианская идея неизбежно вступала в противоречие с необходимостью земного суда и наказания виновных. Наиболее ярко эта проблема подана на страницах Повести временных лет в описании правления св. князя Владимира после крещения:

И живяше Володимиръ въ страсе Божи. И умножишася разбое-
ве, и рече епископи Володимеру: «Се умножишася разбойници, почто
не казниши?» Он же рече: «Боюся греха». Они же реша ему: «Ты постав-
ленъ еси от Бога на казнь злымъ, а на милование добрымъ. Достоить ти
казнити разбойника, нъ съ испытаниемъ». Володимеръ же отвергъ виры
и нача казнити разбойники. <...>. И реша епископы и старци: «Рать
много, а еже вира, то на конихъ и на оружьи буди». И рече Володимеръ:
«Да тако буди». И живяше Володимеръ по устроению дедню и отню
[Повесть временных лет, с. 170].

Даже в этой очень схематично представляющей проблему летописной статье очевидно противоречие, которое можно описать как «соперничество» земного и небесного суда. Ведь правителю трудно навязать самому себе и окружающим теократическую мысль, что он принимает решение о наказании, руководствуясь велениями свыше, если сам в этом не убежден. А ведь, помимо проблемы «соперничества», здесь можно увидеть и еще одну – нарушение принципа «*non bis in idem*» («не дважды за одно и то же»), хорошо известного в римском праве.

С положением «*non bis in idem*» не все просто. Взятое в чистом виде, оно предполагает, что дважды нельзя наказать за любое преступление и в любом суде. С таким смыслом этот принцип заложен в большинство современных законодательных систем, однако в древности его содержание не было столь широким. Как отмечает В. В. Пономарева, «интересующая нас формула римского права звучит совершенно иначе: “*nemo debet bis purini pro uno delicto*” (“никто не должен дважды нести наказание за одно правонарушение”). Немаловажно обратить внимание на термин “*delicto*”, свидетельствующий

о частнопроводимом характере судебного процесса, в рамках которого виновного преследует сам пострадавший» [Пономарева, с. 81].

И действительно, такая формула, идущая из эпохи Римской республики, предполагала куда более узкое специализированное применение: «Исконным правилом римского процесса было то, что, раз дело было доведено до *litis contestatio*, истец после этого не может уже во второй раз вчинить иск о том же, хотя бы по первому процессу разбора и приговора почему-либо не было. Это правило было сформулировано, вероятно, еще республиканскими юристами в виде изречения “*ne bis de eadem re sit actio*”. Осуществляется это правило, однако, различно: при *actiones in personam in jus conceptae* – *ipso jure*, т. е. без особой ссылки на это со стороны ответчика; при *actiones in rem* и при *actiones in factum conceptae* – посредством включения в формулу (вторичного иска) *exceptio rei in iudicium deductae*: ответчик, таким образом, должен заявить об уже состоявшейся *litis contestatio in iure*, иначе потом судья его обвинит» [Покровский, с. 157]. Это означает, что принцип действовал только в рамках частнопроводимого судопроизводства, не касался собственно наказания и распространялся только на взаимоотношения истца и ответчика в пределах судебного разбирательства.

Однако со временем применение принципа расширялось. Например, если у должника было несколько поручителей, то согласно принципу «*non bis in idem*» истец мог предъявить иск только одному из них (то есть не мог подать одновременно иск и в отношении остальных), и решение в отношении одного распространялось и на остальных [Buckland, p. 446, 702]. История государства и права знает прецеденты XVII в., в которых эта норма уже применялась в уголовном разбирательстве и касалась меры пресечения – например, ареста [Старостина, с. 70]. Однако В. Бакленд считал, что уже ко времени Юстиниана Великого этот подход «был не особым правилом для конкретного случая, а применением общего принципа» [Buckland, p. 454].

Вопрос, имели ли эти нормы отношение к древнерусским реалиям, должен быть решен хотя бы в общих чертах. Нельзя однозначно утверждать, что с момента своего появления древнерусская церковная традиция была знакома со всем корпусом римского права, в котором, к примеру, он знаком нам. Исследуемая нами норма содержалась в Дигестах Юстиниана (48.2.14): «*Paulus libro secundo de officio proconsulis: Senatus censuit, ne quis ob idem crimen pluribus legibus reus fieret*» [Domini Nostri Sacratissimi Principis] («Вторая книга Павла о должности проконсула: Сенат проголосовал за то, чтобы никто не был привлечен к суду по нескольким законам за одно и то же преступление»). Была ли известна эта норма на Руси и могла ли учитываться на суде и назначении наказания или хотя бы просто иметься в виду древнерусскими книжниками или архиереями? Насколько можно судить, в составе кормчих книг данная норма отсутствовала [Корогодина, с. 89–94], хотя бы потому, что была гражданской и в число церковных канонов не входила, хотя принцип был в известной степени универ-

сальным. Однако на Руси были те, кто мог транслировать эту норму по крайней мере в правоприменительной практике, – это архиереи, которые были ответственны за знание и трактовку канонических норм (такие как митрополиты Иоанн и Георгий и епископ Нифонт в XI–XII вв. на Руси), трансляцию номоканона (о чем прямо сказано в преамбуле к Церковному уставу князя Владимира) и церковный суд [Белякова, Мошкова, Опарина, с. 59–62]. Знание этой нормы отразилось в Повести временных лет в рассказе о нападении половцев:

Едино прещенье, едина казнь, многовещныя имуща раны и различныя печали, и страшныя муки... Душа бо, zde казнима, всяко у будущий векъ обрящемъ милость и лготу от муки: не мьстить бо Господь двоиче о томь [Повесть временных лет, с. 256].

Эти детали необходимо иметь в виду при разрешении вопроса, может ли за один и тот же грех последовать наказание в земном суде, в земном наказании от Бога, а после смерти – еще и на Страшном суде, а также сказаться на судьбе потомков (Исх. 20 : 2–6; 34 : 6–7).

Какие виды наказаний знал земной древнерусский суд? Исследователи выделяют разные их виды, приведем два примера классификации наказаний в общем перечне и один – только для церковного суда:

– (1) Кровная месть (до издания Правды Ярославичей с отголосками еще около столетия)¹; (2) смертная казнь²; (3) «поток и разграбление»; (4) штраф; (5) заключение или изгнание (с оговорками, что заключение – наименее изученная и нечасто налагавшаяся мера); (6) телесные наказания и членовредительство [Рубаник, с. 206–246].

– (1) Проклятие; (2) «поток и разграбление», изгнание; (3) материальное наказание; (4) временное лишение свободы; (5) телесные наказания и членовредительство, в том числе смертная казнь [Зюбанов, с. 111–133].

– (1) Наказания, налагавшиеся на мирян: а) отлучение от церкви, б) епитимья, в) заключение в монастырь, г) денежные штрафы, д) телесные наказания; (2) наказания, налагавшиеся на клириков: а) извержение из сана, б) лишение права священнослужения, в) лишение должности, г) заключение в монастырь, д) денежные штрафы, е) телесные наказания [Николай (Ярушевич), с. 259–287].

Перечень вин, за которые могли назначаться те или иные наказания, можно найти в Законе судном людем, Русской Правде, Правде Ярославичей, Церковном уставе князя Владимира, Церковном уставе Ярослава, а также в византийском церковном законодательстве (Номоканон – Кормчая, Пандекты) и комментариях по вопросам правоприменения (канонические ответы русских иерархов). Большинство выделяемых исследователями наказаний присуждалось по итогам

¹ Следует отметить, что не все исследователи согласны с необходимостью относить кровную месть к числу наказаний и связывать ее с происхождением смертной казни. Например, против выступает Ю. В. Оспенников [Оспенников, 2016].

² Выделяется из расправы как институт не ранее XIII в. Благодаря за это уточнение и ряд других ценных замечаний доктора юридических наук Ю. В. Оспенникова.

суда – княжеского или архиерейского. К таковым не относилась кровная месть, которая деградировала по мере развития христианского самосознания, однако на излете была регламентирована даже в Русской Правде [Рубаник, с. 209–219]. Более того, смертная казнь как таковая (и даже членовредительство) не фигурировала среди видов наказаний в соответствии с правовыми памятниками Древней Руси [Зюбанов, с. 127–133]³, хотя изучение источников показывает, что при необходимости телесные повреждения, битье и даже смерть не только применялись, но и оправдывались необходимостью справедливого возмездия⁴. Но они не могли быть присуждены судом. Таким образом, шла борьба с пережитками языческих времен, где членовредительство и кровная месть были обычным явлением.

Прочие виды наказаний присуждались судом. Реформы суда эпохи князей Владимира и Ярослава предполагали замену иных видов наказания штрафом настолько широко, насколько это было возможно. Читая правовые тексты домонгольского периода, невольно приходишь к мысли, что только если речь идет о штрафе-вире, можно говорить о суде. И такие случаи почти не попадали в нарративные тексты. Все остальные виды наказаний – заключения, изгнания и снижение социального уровня (вплоть до изгойства, обращения в рабы или церковного отлучения) – хотя и упоминались в правовых памятниках, представляли собой внесудебные виды наказания, которые были достаточно широко распространены и назначались простым решением власти (не суда) – князя (иногда – веча) или архиерея (если речь шла об отлучении). Впрочем, противопоставлять суд и решение властей друг другу крайне трудно.

Это и был суд земной. В правовых памятниках почти нет прямых апелляций к суду небесному (если не считать преамбул к некоторым правовым документам)⁵, поскольку в них классифицировались преступления и регламентировались компетенция суда и тяжесть наказания за вину. При этом перечень преступлений, предполагавших судебное разбирательство или внесудебное наказание, кроме мести,

---

³ Хотя утверждается, что членовредительство не фигурировало в системе наказаний Древней Руси, в Законе судном людем есть несколько статей, предусматривавших урезание носа. Современные юристы исходят из того, что более поздний памятник права отменяет нормы, действовавшие в предыдущем, при их совпадении, однако очевидно, что в Древней Руси этот принцип также применялся, особенно если учесть тот факт, что Закон судный людем входил в состав некоторых кормчих [Корогодина, с. 559–560] и едва ли появился в Древней Руси намного раньше Правды Русской.

⁴ О том, что некоторые убийства можно рассматривать в качестве реализации принципа «потока и разграбления», пишет Ю. В. Оспенников [Оспенников, 2018, с. 11].

⁵ Один из несчастных случаев апелляции к Богу можно видеть в «Уставе великого князя Всеволода о церковных судах и о людех и о мерилах торговых». В этом памятнике права, во-первых, есть редкое предписание применения телесного наказания («А скривится, а кому приказано, а того казнити близко смерти») и, во-вторых, отсутствует земное наказание за оставление наследства незаконнорожденным детям – «а человек ся получает по грехам, прелюбодейнии, а не благословен Богом» [Стандников, с. 41, 43]. Впрочем, некоторые правовые процедуры, прежде всего крестоцелования и жребии, если не упоминать практиковавшихся, но запрещенных форм ордалий, можно квалифицировать как социально-религиозные [Оспенников, 2010].

смертной казни и членовредительства, не сопоставлялся ни в одном государственном памятнике (к числу которых несомненно относятся и церковные уставы) с грехами и наказаниями за них, хотя, если сравнивать пенитенциарные списки для совершения таинства исповеди с перечнями преступлений, можно найти значительную степень совпадения. Можно ли на этом основании сделать вывод, что мировоззрение древнерусского человека (особенно того, который принимал решение о наказании) исходило из следующего принципа: за одно деяние (в случае, если оно становилось известным) человек подвергался суду и наказанию только от земного суда, но не от небесного, и только в случае нераскаянности (или невозможности несения епитимьи ввиду строгости судебного решения, при наложении ее духовником становившейся к тому же еще одним наказанием в дополнение к судебному⁶) – наказанию на Божием суде? Думается, что однозначный положительный ответ на этот вопрос был бы преждевременным.

Итак, проблему нужно решать в двух плоскостях: как совместить наказание, наложенное судом, с епитимьей или нераскаянностью, и как совместить наказание внесудебное – смертную казнь или членовредительство, понижение социального статуса или заключение – с наказанием Бога за грех в этой жизни или после смерти.

Примеров наложения судебного наказания с епитимьей или нераскаянностью не известно. Впрочем, судебное постановление о штрафе не отменяет необходимости духовного роста, исправления своей жизни (если не рассматривать епитимью только как вид наказания, что, впрочем, неочевидно и зависит от личного отношения к епитимье как духовника, так и исправляемого грешника). Что же касается нераскаянности, то в Повести временных лет есть несколько персонажей, которые являются «окаянными» в этом, видимо, значении слова [Успенский, с. 33–39], но суд над ними никто официально не чинил. Это прежде всего Святополк Владимирович/Ярополчич, Горьсер с убийцами Бориса и Глеба, Глеб Всеславич, половцы и сам дьявол [Повесть временных лет, с. 130–131, 176–188, 264–265, 312–313] (интересно, что как только убийства прекратились и к Киеву подошли полки Ярослава, наименование Святополка окаянным в летописи заканчивается). Неизвестно ни одного случая, где бы нераскаянность связывалась с тем, что преступление было судимо или грех был обличен архиереем или духовником. То, что деятель является нераскаянным злодеем, летописец решал, очевидно, сам.

---

⁶ В качестве образца укажем на ст. 13 Церковного устава Ярослава: «Аще кум с кумою блуд створит, митрополиту 12 гривен, а опитем(и)и указан(и)е от Б(ог)а» [Древнерусские княжеские уставы, с. 87]; далее есть аналогичные статьи. Здесь совмещены штраф и епитимья, хотя по логике «наказание денежным штрафом за церковное преступление могло и не терять связи в своей цели с идеей душевного исправления, очищения – идеей церковных наказаний вообще» [Николай (Ярушевич), с. 273]. Получается, что двойная система судопроизводства – гражданско-церковная – в ряде вопросов требовала и двойного наказания, правда, земного. Однако в летописании или иных литературных памятниках Древней Руси примеров применения таких норм нет.

Ситуация с наказанием внесудебным представляется очень сложной. Существует достаточно много примеров расправы, которые имеют под собой если не правовые основания, то по крайней мере правовые интенции. Холоп Дудика, лишившийся рук по решению епископа Луки Жидяты [Гайденко, 2009, с. 60–61; Оспенников, Гайденко, с. 76–77]⁷, иноки Василий и Федор, герои Киево-Печерского патерика [Гайденко, 2021, с. 173–177]⁸, Федорец, нареченный епископом Ростовским [Оспенников, Гайденко, с. 79–97]⁹, – вот весьма неполный перечень пострадавших, палачи которых считали, что имеют определенные права на расправу. Косвенные указания на то, что эти расправы имели под собой видимость если не законности, то хотя бы субъективной справедливости, дают основание историкам права рассматривать их в контексте правовых традиций Руси или Византии (а может быть, и Западной Европы) либо судебных разбирательств, о которых сохранилось так мало исторических свидетельств. Однако обращает на себя внимание важная деталь: каждое из этих описаний, помимо рассказа о расправе, обязательно включает апелляцию к высшему (небесному) суду.

Наиболее откровенные отсылки к вмешательству Бога при несправедливой расправе встречаются в рассказах о Федорце и печерском иноке Григории. Автор Лаврентьевской летописи так рассуждает о несостоявшемся владимирском епископе:

В то же лето чудо створи Бог и святая Богородица новое в Володимери городе: изгна бо Бог и святая Богородица Володимерьская злаго... лжаго владыку Феодорца [ПСРЛ, т. 1, стб. 355].

Это пример земного проявления Божия суда, поскольку изгнание Федорца стало результатом не столько суда (поскольку наказание не соответствовало ни одному древнерусскому правовому положению), сколько стечения обстоятельств. Однако одного только земного наказания от Бога в виде изгнания (само членовредительство не трактовалось летописцем как небесная кара), очень напоминающего наказание для окаянного Святополка (как «окаянный», то есть подобный Каину, он был фактически изгнан с Руси), было для людей мало, и Федорец, «безъмилостив быв мучитель», был изувечен по решению митрополита Киевского Константина, хотя летописец был уверен, что и при этом он «на суде Божии осудися в муку», поскольку

---

⁷ Епископ Лука мог судить Дудика как клирика, оговорившего архиерея в блудном грехе, и руководствоваться при том представлениями выхода из дружинной среды.

⁸ Князь должен был считать, что имеет право на часть клада, который якобы был найден в пещере одного из иноков. Отказ иноков давать показания по этому делу привел к членовредительству, окончившемуся смертью подозреваемых.

⁹ Федорец получил от митрополита Константина наказание по совокупности совершенного им в Ростове, однако о суде как таковом в Лаврентьевской летописи не говорится именно потому, что никакая статья канонического или древнерусского права не предполагала такой жестокой санкции.

он «бес покаяния пребысть» [ПСРЛ, т. 1, стб. 356]. В качестве обоснования здесь была приведена фраза из Нагорной проповеди: «каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф 7 : 2) [Там же].

Эта евангельская фраза стояла и в обосновании свершившегося с князем Ростиславом Всеволодовичем несчастья, которое случилось вследствие убийства им инока Григория, поскольку «сътворит Господь въскоре рабомъ своимъ отмщение» [Киево-Печерский патерик, с. 410]. Последнее слово – отмщение – приведено здесь, очевидно, неслучайно. Кровная месть потому и вышла из употребления в древнерусском праве, поскольку право мести в христианской системе координат перешло к Богу. Бог мстит за обиженных, им не нужно заботиться об отмщении, и в этой высшей мести заключен в том числе суд Божий. Та же мысль вложена и в рассказ о гибели иноков Василия и Федора [Там же, с. 456–457].

В истории Каина и Авеля, которая стала хрестоматийной, будучи применена для герменевтического раскрытия истории Бориса, Глеба и Святополка, есть момент:

[Каин сказал:] вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня. И сказал ему Господь [Бог]: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь [Бог] Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его (Быт. 4 : 14–15).

Этот текст был так или иначе знаком русским книжникам, поскольку входил в состав паремийников и читался на второй седмице Великого поста [Каталог памятников древнерусской письменности, с. 18, 62]. На память легко могли прийти слова из 17-го псалма: «Да будет превознесен Бог спасения моего, Бог, мстящий за меня, и покоряющий мне народы, и избавляющий меня от врагов моих!» (Пс 17 : 47–49). Несколько новозаветных текстов прямо перекладывали месть из рук людей в руки Божии: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: “Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь”» (Рим. 12 : 19)¹⁰; Божия воля в том, «чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво: потому что Господь – мститель за все это, как и прежде мы говорили вам и свидетельствовали» (1 Фес. 4 : 6). Почему руководители в лице не только князей, но даже и архиереев оправдывались, когда осуществляли от имени пострадавших месть Божию на провинившихся (особенно ярко это видно в истории с Федорцом)? Потому что «начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель

¹⁰ Этот текст был процитирован в приведенной выше статье Киево-Печерского патерика [Киево-Печерский патерик, с. 412–413].

в наказание делающему злое» (Рим. 13 : 4). Этот принцип дважды декларирован в истории ослепления князя Василька: один раз – от имени бояре и людей, и один – от имени самого летописца:

И рекоша бояре и людье: «Да аще есть молвилъ право Давыдъ, да приметь Василко казнь: аще ли неправо глаголалъ Давыдъ, да приметь мечь от Бога и отвещаетъ предъ Богомъ. <...> Се второе мьщенье створи, егоже бяше не лепо створити, дабы отместникъ Богъ былъ, и възложити было на Бога отмыщенье свое, якоже рече пророкъ: «И въздамъ мечь врагомъ и ненавиждащимъ мене въздамъ, яко кровь сыновъ своихъ мьщати и мьстити, и въздасть мечь врагомъ и ненавиждащимъ его въздасть» [Повесть временных лет, с. 272, 280].

Представление о наказании Божиим в виде отмщения, которое может прийти через непредсказуемые обстоятельства (особенно как в случае с героями Киево-Печерского патерика, а также в судьбе Святополка Окаянного), дополняется другим видом наказания в виде «казней Божиих», упоминания о которых можно найти в статьях 6532 (1024), 6600 (1092) и 6618 (1110) Повести временных лет [Добровольский, с. 148]. Д. А. Добровольский попытался противопоставить два разных объяснения природы преодоления «казней Божиих» – «человек выбирает себе путь спасения» и «Бог направляет избранных своих в нужную сторону», то есть активную и пассивную формы отношения к действиям Бога. Трудно согласиться с тем, что вторая несовместима «с самой сущностью христианского учения» [Там же, с. 153]. Радость от осознания совершенного Иисусом Христом спасения человечества «от греха, проклятия и смерти» и деятельное покаяние всегда являлись двумя неразрывными элементами христианского учения, и никакого противоречия между ними нет¹¹. Засуха, войны и мор, а также нашествие иноплеменников (в данном случае половцев) являются наказанием Божиим за грехи людей. Если бы можно было выяснить, за какие конкретно грехи наказывает Бог, найти их в правовых текстах, передать на суд князю или митрополиту, присудить земное наказание и епитимью, привести грешников к покаянию, то Бог, может быть, и не стал бы наказывать дважды за то же самое и отвел бы свой гнев «еже на грешники».

Однако бывают сложные случаи. Так, смертью Святополка «Богъ показа на показание княземъ рускымъ, да аще сице же створять, се слышавше, ту же казнь примуть, но больши сея, понеже се ведуще бывшее, створити такое же зло братоубийство» [Повесть временных лет, с. 188]. Братоубийство не присутствовало в числе уголовных престу-

---

¹¹ Примеров очень много. Для убедительности возьмем тексты близкого по времени древнерусского автора – святителя Кирилла Туровского. В «Повести Кирилла, многогрешного монаха, о белоризцах и о монашестве...» он прославляет покаяние, а в «Слове Кирилла, недостойного монаха, на Святую Пасху...» говорит о том, что Христос взял на себя грехи мира [Колесов, с. 50, 73].

плений отдельно [Рубаник, с. 184, 186]. С учетом того, что Святополк вынужден был бежать, фактически к нему оказались применены «поток и разграбление», полагавшиеся за «без вины на разбой» (убийство без причины) [Русская Правда, с. 497–498]. Но братоубийство – более тяжелое преступление, наказание за него стало для христианской Древней Руси прецедентным, и поэтому летописец был уверен, что земное наказание, недостаточное в данном случае, было компенсировано максимальным наказанием от Бога:

Его же и по правде, яко неправедна, суду пришедшу по отшествии сего света приаща муки сего, оканьнаго. Святополка показываше яве посланная пагубная рана, въ смерть немилостивно въгна, и по смерти вечно мучимъ есть и связанъ [Повесть временных лет, с. 188].

Другой случай:

[Князь Ярослав] приде к Суждалю, изьима волхвы, расточи, и другия показни, рекъ сице: «Богъ наводитъ по грехомъ на куюждо землю гладомъ, или моромъ, или ведромъ, или иною казнью, а человекъ не вестъ ничтоже» [Там же, с. 190].

Судить за «ведство» должен был митрополит [Древнерусские княжеские уставы, с. 15], однако князь опасался, что митрополит не справится в ситуации восстания волхвов, которые еще и «избиваху старую чадь» [Повесть временных лет, с. 190], то есть совершили преступление и по статьям, судимым князем, и принял решение, чтобы избежать Божьего наказания в виде каких-либо бедствий, по-своему наказать их сразу по совокупности деяний.

У летописца не было однозначного мнения и по поводу того, что спровоцировало приход иноплемennых – половцев – в 1068 г. Понимая, что ситуация как-то связана с поимкой Всеслава, он сопоставил эти сюжеты, в том числе упомянув, что «понеже Изяслав целовавъ крестъ и ят и, темже наведе Богъ поганяя, сего же яве избави крестъ честный» [Повесть временных лет, с. 212]. Ситуация была сложной: Изяслав Ярославич с братьями делал богоугодное дело – предотвращал междоусобную войну, однако, думая, что цель оправдывает средства, он арестовал зачинщика, преступив крестоцелование. Клятвопреступление само по себе было хотя и социально осуждаемым деянием, но не каралось ни по церковному, ни по гражданскому законодательству¹². В случае, если обвиняемого можно было обличить и приговорить ему наказание, это могло быть только церковное наказание

---

¹² Таких фактов довольно много. Можно, в частности, привести в пример грозные антилатинские предостережения, часто звучавшие в первой половине XII в. Но, попавшие в три канонических сборника, они не содержат ни одной санкции за их нарушение, кроме недолгого церковного отлучения за молитву у варяжского попа [Волужков, Костромин].

в виде десятилетнего отлучения от причастия, в случае вынужденной клятвы – шестилетнего [Кормчая, с. 621, 628–629], однако едва ли нашелся бы иерарх, который решился бы судить князя за такое преступление. Если же суд не решается признавать деяние преступным, то нет и наказания. Однако Бог может осудить князя¹³. Тем не менее, списывание на клятвопреступление казалось летописцу все равно недостаточным, и потому, объясняя казнь Божию в виде нашествия иноплемennых, летописец снова сослался на совокупность деяний, причем не только князя, но и людей:

Видимъ бо игрища утолочена, и людей множество на нихъ, яко упихати начнуть другъ друга, позоры деюще от беса замышленого дела, а церкви стоять... Да сего ради казни приемлемъ от Бога всякыя, нахождение ратныхъ; по Божью повелению приемлемъ казнь грехъ ради нашихъ [Повесть временных лет, с. 210].

Эти деяния будут однозначно осуждены только Владимирским собором 1274 г.

Таким образом, мы видим, что идея прижизненного наказания от Бога взамен наказания от власти предрержащих в древнерусской литературе превалировала. Как же совместить идею прижизненных «казней Божиих» с идеей посмертного наказания на Страшном суде, которого ждали и боялись древнерусские люди [Дергачева, с. 108]? Прижизненные «казни» должны были казаться более актуальными, чем Страшный суд, ведь кто-то должен был реагировать на попрание справедливости в условиях деградации государственных институтов. Развитие правосудия и наказания приостановилось после создания памятников права XI в. вплоть до конца XV в., хотя и с некоторыми оговорками [Юшков, с. 344]. Если Бог наказывает за грехи при жизни в условиях недостаточного правосудия земного, можно надеяться, что удастся избежать наказания на Страшном суде.

Однако нельзя утверждать, что пенитенциарные нормы таинства покаяния прекратили свое развитие в эту же эпоху, как и правовые нормы. В свое время А. И. Алмазов, проследивший историю древнерусского чинопоследования исповеди XV–XVII вв., удивлялся его разнообразию, хотя оно стало результатом развития одного только устава патриарха Иоанна Постника [Алмазов, с. 234–236, 286–302 и др.]. Ситуация кажется сходной с динамикой развития разнообразия в тексте Символа веры, некогда выявленной А. Гезеном и уточненной мною [Костромин]. Развитие чинопоследования таинства исповеди, быстрая его адаптация под требования момента заменяли отсутствие развития системы наказаний в гражданском судебном применении. Ведь в конце концов только истинное покаяние и нравственное исправление могли

¹³ «Богъ же показа силу крестъную на показание земли Русей, да не преступаютъ честнаго креста, целовавше его; аще ли кто преступитъ, то и сде приимуть казнь и на преидущемъ веце казнь вечную» [Повесть временных лет, с. 212].

отменить наказание не в веке сем, но в будущем [Страшный суд Божий, с. 13]¹⁴, а может быть, и отвести «казни Божии». Фактически именно исповедь и ее последствия – епитимья, запрет на причащение – часто заменяли собой судебное или внесудебное наказание.

Итак, как провести грань между карой небесной и наказанием земным? Прежде всего отметим важную деталь: дважды за одно не наказывает только Бог. Земной суд (неважно, формальный или нет) не гарантирует того, что Господь не захочет наказать виновного еще и от Себя. Такое заключение, вполне очевидное из рассмотренного материала, позволяет утверждать: земной суд, присуждающий штрафы, не реализует Божию волю по наказанию виновного, а руководствуется исключительно земными интересами. Поскольку христианская эпоха, вынужденная бороться с господствовавшими жестокими нравами, построенными на почти обязательной мести, запретила членовредительство, его акты перешли во внесудебную форму расплаты, существование которой можно было только ограничить рамками «максимально допустимой справедливости», но не полностью упразднить¹⁵. Фактически летописная история Руси домонгольской эпохи во многом есть история того, как происходила внесудебная расплата с теми, кто казался кому-то виновным, и как современники или потомки оценивали степень «справедливости» таких действий. Поскольку все эти случаи могут быть квалифицированы как экстраординарные, ординарное судопроизводство и его последствия не получили на страницах летописей соответствующего отражения.

Рассмотренные экстралегальные формы расправы сами по себе оказываются в куда более сложной правовой ситуации. Трудно однозначно решить, справедливы они в глазах внешнего наблюдателя (в нашем случае летописца) или нет. Тогда на подмогу приходит комплексный анализ ситуации, который предлагает читателям летописец: в совокупности с внешними угрозами (мор, нашествие иноплемеников) и стечением обстоятельств индивидуальные расправы могут восприниматься как элемент «казней Божиих», грозных самих по себе, но осуществляющих «промежуточный» суд Божий уже на земле и предотвращающих, как казалось летописцу и его современникам, вечное наказание за гробом. В конце концов, в ходе таких «комплексных» наказаний гибнет значительное количество ни в чем не повинных людей, и их грехи смываются переживаемыми напастями, облегчая их загробную участь, а для оставшихся в живых служат

---

¹⁴ Используем этот текст, поскольку он передает текст из Великих Миней Четых, а, по мнению О. В. Творогова, он соответствует той древнейшей редакции, в которой он попал в древнерусскую книжность [Творогов, с. 142].

¹⁵ Князя, удержавшегося от мести за несправедливость, летописец удостоил смертного панегирика: «Бе же Изяславъ мужь взоромъ красенъ, теломъ великъ, незлобивъ нравомъ, кривды ненавида, любя правду. Клюкъ же в немь не бе, ни лъсти, но простъ умомъ, не воздая зла за зло. Колко бо ему створиша кияне: самого выгнаша, а домъ его разграбиша, и не възда противу тому зла» [Повесть временных лет, с. 238].

мощным предостережением. Разграничить «казни Божии» и наказание на Страшном суде невозможно хотя бы потому, что последний еще не наступил, и осуждение на вечную погибель кажется людям неотвратимым, хотя они прекрасно понимают, что это не так. Но остается надежда на то, что «казни Божии» на земле и хоть в какой-то мере суд митрополита или князя ослабят вину виноватого и послужат для Бога смягчающим обстоятельством при вынесении решения о наказании в Последний день.

Список литературы

- Алмазов А.* Тайная исповедь в православной восточной церкви : Опыт внешней истории : в 3 т. М. : Паломник, 1995. Т. 1. Общий устав совершения исповеди. 596 с.
- Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2017. 496 с.
- Волужков Д. В., Костромин К. А.* К вопросу об отношении антилатинской полемики к церковному праву Древней Руси (XI–XII века) // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2019. Вып. 1 (11). С. 44–56. DOI 10.24411/2618-9674-2019-10003.
- Гайденок П. И.* Еще раз о суде над Лукой Жидятой (1055–1059 гг.) // Каптеревские чтения. Вып. 7. М. : Ин-т всеобщ. ист. РАН, 2009. С. 53–63.
- Гайденок П. И.* Княжеская расправа над иноками Василием и Феодором Печерскими (каноническо-правовая сторона совершившегося) // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 170–180. DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_170.
- Дергачева И. В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М. : Кругъ, 2003. 360 с.
- Добровольский Д. А.* «Теория казней Божьих»: от Начального свода к Повести временных лет // Локальные исторические культуры и традиции историописания : сб. ст. М. : Ин-т всеобщ. ист. РАН, 2011. С. 144–154.
- Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Щапов. М. : Наука, 1976. 240 с.
- Зюбанов Ю. А.* Уголовный закон Древней Руси. М. : Проспект, 2016. 240 с.
- Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (рукописные книги). СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 944 с.
- Киево-Печерский патерик / подг. текста Л. А. Ольшевой, пер. Л. А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 2016. Т. 4. XII век. С. 296–489.
- Колесов В. В.* Творения бл. Кирилла Туровского : Притчи, слова, молитвы : исслед. и тексты. М. : Палея, 2009. 208 с.
- Кормчая (Номоканон) : Отпечатана с подлинника Патриарха Иосифа. СПб. : Воскресение, 2004. 1481 с.
- Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV – первой половины XVII века : в 2 т. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2017. Т. 2. Описание редакций. 648 с.
- Костромин К.* Проблема атрибуции «Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латыньской» // Христианское чтение. 2011. № 1. С. 6–97.
- Николай (Ярушевич), иером.* Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича (1649 г.). Пг. : Синод. тип., 1917. 666 с.
- Оспенников Ю. В.* Божий суд в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттин. гос. ун-та. 2010. № 1 (11). С. 127–131.
- Оспенников Ю. В.* «Поток» и становление смертной казни в правовой традиции северо-западной Руси // Новгородика – 2015 : От «Правды Русской» к российскому конституционализму : материалы V междунар. науч. конф. Новгород : Изд-во НовГУ, 2016. С. 11–14.

Оспенников Ю. В. Об эволюции системы наказаний в средневековом Новгороде // Новгородика – 2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность : материалы VI междунар. науч. конф. : в 2 т. Новгород : Изд-во НовГУ, 2018. Т. 2. С. 9–15.

Оспенников Ю. В., Гайденко П. И. Церковный суд на Руси XI–XIV веков : Исторический и правовой аспекты. СПб. : Изд-во СПбПДА, 2020. 260 с.

Повесть временных лет / подг. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 2016. Т. 1. XI–XII века. С. 62–315.

Покровский И. А. История римского права. СПб. : Летний сад, 1999. 533 с.

Пономарева В. В. *Ne bis in idem*: правило или принцип римского права? // Актуальные вопросы юридической науки. 2019. № 4 (4). С. 75–84.

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М. : Языки рус. культуры, 2001. 496 стб.

Рубаник В. Е. Государство, право и суд в Киевской Руси : ист.-юридич. очерк. М. : Юрлитинформ, 2013. 352 с.

Русская Правда / подг. текста, перев. и коммент. М. Б. Свердлова // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 2016. Т. 4. XII век. С. 490–517.

Стадников А. В. Церковный суд в системе российского правосудия в X – начале XX веков: документы и материалы : хрестоматия. М. : Ин-т повышения квалификации гос. служащих, 2003. 332 с.

Старостина П. В. Принцип «*non bis in idem*» в административном и уголовном праве (международно-правовые аспекты) // Административное право и процесс. 2013. № 4. С. 67–71.

Страшный суд Божий : Видение Григория, ученика святого и богоносного отца нашего Василия Нового Цареградского. М. : Рус. вестн., 1994. 77 с.

Творогов О. В. Житие Василия Нового // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI – первая половина XIV в.). Л. : Наука, 1987. С. 142–143.

Успенский Б. А. Борис и Глеб : Восприятие истории в Древней Руси. М. : Языки рус. культуры, 2000. 128 с.

Юшков С. В. Правосудие митрополичье // Труды выдающихся юристов: С. В. Юшков / отв. ред. О. И. Чистяков. М. : Юридич. лит, 1989. С. 336–344.

Buckland W. W. *A Text-book of Roman Law from Augustus to Justinian*. 3rd Ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1963. 764 p.

Domini Nostri Sacratissimi Principis Iustiniani Iuris Eucleati Ex Omni Vetere Iure Collecti Digestorum Seu Pandectarum // *The Roman Law Library* : [website]. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/d-48.htm#2> (accessed: 18.01.2022).

References

Almazov, A. (1995). *Tainaya ispoved' v pravoslavnoi vostochnoi tserkvi. Opyt vneshnei istorii v 3 t.* [Secret Confession in the Eastern Orthodox Church. The Experience of External History. 3 Vols.]. Moscow, Palomnik. Vol. 1. Obshchii ustav soversheniya ispovedi. 596 p.

Belyakova, E. V., Moshkova, L. V., Oparina, T. A. (2017). *Kormchaya kniga: ot rukopisnoi traditsii k pechatnomu izdaniyu* [Nomocanon: From Manuscript Tradition to Printed Edition]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 496 p.

Buckland, W. W. (1963). *A Text-book of Roman Law from Augustus to Justinian*. 3rd Ed. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 764 p.

Dergacheva, I. V. (2003). *Posmertnaya sud'ba i "inoi mir" v drevnerusskoi knizhnosti* [Posthumous Fate and the "Other World" in Old Russian Literature]. Moscow, Krug". 360 p.

Dobrovol'skii, D. A. (2011). "Teoriya kaznei Bozh'ikh": ot Nachal'nogo svoda k Povesti vremennykh let ["The Theory of God's Executions": From *The Initial Code to The Tale of Bygone Years*]. In *Lokal'nye istoricheskie kul'tury i traditsii istoriopisaniya*. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 144–154.

Domini Nostri Sacratissimi Principis Iustiniani Iuris Eucleati Ex Omni Vetere Iure Collecti Digestorum Seu Pandectarum. (N. d.). In *The Roman Law Library* [website]. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/d-48.htm#2> (accessed: 18.01.2022).

Gaidenko, P. I. (2009). Eshche raz o sude nad Lukoi Zhidyatoi (1055–1059 gg.) [Once Again about the Trial of Luka Zhidyata (1055–1059)]. In *Kapterevskie chteniya*. Iss. 7. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 53–63.

Gaidenko, P. I. (2021). Knyazheskaya rasprava nad inokami Vasiliem i Feodorom Pecherskimi (kanonicheskovo-pravovaya storona sovershivshegosya) [The Princely Massacre of Monks Vasilii and Feodor of the Caves (the Canonical-Legal Side of the Act)]. In *Khristianskoe chtenie*. No. 2, pp. 170–180. DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_170.

Katalog pamyatnikov drevnerusskoi pis'mennosti XI–XIV vv. (rukopisnye knigi) [A Catalogue of Old Russian Literary Works of the 11th–14th Centuries (Handwritten Books)]. (2014). St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 944 p.

Kolesov, V. V. (2009). *Tvoreniya blazhennogo Kirilla Turovskogo. Pritchi, slova, molitvy. Issledovaniya i teksty* [The Works of St Kirill Turovsky. Parables, Words, Prayers. Studies, and Texts]. Moscow, Paleya. 208 p.

Kormchaya (Nomokanon). Otpechatana s podlinnika Patriarkha Iosifa [Kormchaya (Nomokanon). Printed from the Original of Patriarch Iosif]. (2004). St Petersburg, Voskresenie. 1481 p.

Korogodina, M. V. (2017). *Kormchie knigi XIV – pervoi poloviny XVII veka v 2 t.* [Nomocanons of the 14th – First Half of the 17th Centuries. 2 Vols.]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. Vol. 2. Opisanie redaktsii. 648 p.

Kostromin, K. (2011). Problema atributsii “Slova Feodosiya, igumena Pecherskogo, o vere krest'yanskoi i o latyn'skoi” [The Problem of Attribution of *The Words of Theodosius, Abbot of the Caves, about Christian and Latin Faith*]. In *Khristianskoe chtenie*. No. 1, pp. 6–97.

Nikolai Yarushevich, hieromonk. (1917). *Tserkovnyi sud v Rossii do izdaniya Sobornogo Ulozheniya Alekseya Mikhailovicha (1649 g.)* [Church Trial in Russia before the Publication of the Council Code of Alexei Mikhailovich (1649)]. Petrograd, Sinodal'naya tipografiya. 666 p.

Olshevskaya, L. A., Dmitriev, L. A. (Eds.). (2016). *Kievo-Pecherskii Paterik* [Kievan Caves Patericon]. In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 20 t.* St Petersburg, Nauka. Vol. 4. XII vek, pp. 296–489.

Ospennikov, Yu. V. (2010). Bozhii sud v drevnerusskom prave [Godly Judgement in Old Russian Law]. In *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1 (11), pp. 127–131.

Ospennikov, Yu. V. (2016). “Potok” i stanovlenie smertnoi kazni v pravovoi traditsii severo-zapadnoi Rusi [Potok and the Establishment of Capital Punishment in the Northwestern Russian Legal Tradition]. In *Novgorodika – 2015. Ot “Pravdy Russkoi” k rossiiskomu konstitutsionalizmu. Materialy V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Novgorod, Izdatel'stvo Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 11–14.

Ospennikov, Yu. V. (2018). Ob evolyutsii sistemy nakazanii v srednevekovom Novgorode [About the Evolution of the System of Punishments in Medieval Novgorod]. In *Novgorodika – 2018. Povsednevnyaya zhizn' novgorodtsev: istoriya i sovremennost'.* Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v 2 t. Novgorod, Izdatel'stvo Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 2, pp. 9–15.

Ospennikov, Yu. V., Gaidenko, P. I. (2020). *Tserkovnyi sud na Rusi XI–XIV vekov. Istoricheskii i pravovoi aspekt* [Church Trial in Russia in the 11th–14th Centuries. Historical and Legal Aspects]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii. 260 p.

Pokrovskii, I. A. (1999). *Istoriya rimskogo prava* [A History of Roman Law]. St Petersburg, Letnii sad. 533 p.

Ponomareva, V. V. (2019). Ne bis in idem: pravilo ili printsip rimskogo prava? [Ne bis in idem: Rule or Principle of Roman Law?]. In *Aktual'nye voprosy yuridicheskoi nauki*. No. 4 (4), pp. 75–84.

PSRL [A Complete Collection of Russian Chronicles]. (2001). Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis'. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 496 columns.

Rubanik, V. E. (2013). *Gosudarstvo, pravo i sud v Kievskoi Rusi. Istoriko-yuridicheskii ocherk* [State, Law, and Court in Kievan Rus'. A Historical and Legal Essay]. Moscow, Yurlitinform. 352 p.

Shchapov, Ya. N. (Ed.). (1976). *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv.* [Old Russian Princely Statutes of the 11th–15th Centuries]. Moscow, Nauka. 240 p.

Stadnikov, A. V. (2003). *Tserkovnyi sud v sisteme rossiiskogo pravosudiya v X – nachale XX vekov: dokumenty i materialy. Khrestomatiya* [The Church Trial in the System of Russian Justice in the 10th – Early 20th Centuries. Documents and Materials. Reader]. Moscow, Institut povysheniya kvalifikatsii gosudarstvennykh sluzhashchikh. 332 p.

Starostina, P. V. (2013). Printsip “non bis in idem” v administrativnom i ugolovnom prave (mezhdunarodno-pravovye aspekty) [The *non bis in idem* Principle in Administrative and Criminal Law (International Legal Aspects)]. In *Administrativnoe pravo i protsess*. No. 4, pp. 67–71.

Strashnyi sud Bozhii. Videnie Grigoriya, uchenika svyatogo i bogonosnogo ottsa nashego Vasiliya Novogo Tsaregradskogo [The Last Judgment of God. Vision of Gregory, a Disciple of Our Holy and God-bearing Father Basil the Younger of Constantinople]. (1994). Moscow, Russkii vestnik. 77 p.

Sverdlov, M. B. (Ed.). (2016). *Russkaya Pravda [Russkaya Pravda]*. In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 20 t.* St Petersburg, Nauka. Vol. 4. XII vek, pp. 490–517.

Tvorogov, O. V. (1987). *Zhitie Vasiliya Novogo* [The Life of Basil the Younger]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Iss. 1. (XI – pervaya polovina XIV v.). Leningrad, Nauka, pp. 142–143.

Tvorogov, O. V. (Ed.). (2016). *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 20 t.* St Petersburg, Nauka. Vol. 1. XI–XII veka, pp. 62–315.

Uspenskii, B. A. (2000). *Boris i Gleb. Vospriyatie istorii v Drevnei Rusi* [Boris and Gleb. The Perception of History in Ancient Russia]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 128 p.

Voluzhkov, D. V., Kostromin, K. A. (2019). K voprosu ob otnoshenii antilatinskoii polemiki k tserkovnomu pravu Drevnei Rusi (XI–XII veka) [On the Question of Correlation between Anti-Latin Polemics and Church Law in Old Rus' (11th–12th Centuries)]. In *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. Iss. 1 (11), pp. 44–56. DOI 10.24411/2618-9674-2019-10003.

Yushkov, S. V. (1989). *Pravosudie mitropolich'e* [Metropolitan Justice]. In Chistyakov, O. I. (Ed.). *Trudy vydayushchikhsya yuristov: S. V. Yushkov*. Moscow, Yuridicheskaya literatura, pp. 336–344.

Zyubanov, Yu. A. (2016). *Ugolovnyi zakon Drevnei Rusi* [The Criminal Law of Old Russia]. Moscow, Prospekt. 240 p.

The article was submitted on 01.11.2021